

Удивительная библиотека

Немногим доводилось держать в руках эту книгу, хотя имя ее автора хорошо известно читателям всей страны. Необычна судьба этого издания, как необычен его внешний вид. Газетная (причем далеко не лучшего качества) бумага. Отсутствие цены. Несколькo странное название — «Рогульки».

Напрасно мы будем искать на библиотечных полках произведения, подписанные этим же именем — только специалистам-литературоведам известно, кто скрывался под псевдонимом «Всеволод Тараканов».

В книжке своеобразные, яркие названия у рассказов, (всего их восемь): «Купоросный Федот», «Джут», «Клаула». Недаром А. М. Горький говорил их автору — тогда еще начинающему литератору: «...Вы, несомненно, человек талантливый, Ваша способность к лигатуре — вне спора». Константин Федин, тоже один из первых читателей этой книги, много лет спустя вспоминал: «Неожиданно музыкальные по слуху картины этих рассказов изображали словно впервые, отрядную, далекую и как будто фантастическую страну, хотя описываемые люди, да и все детали были чрезвычайно реальны. Эта особенность сочетания фантастики с реализмом особенно пышно проявилась в повестях и первых рассказах, получивших известность».

На книге, которая мне попала в руки, дарственная надпись: «Петру Людовиковичу Драверту от автора. Омск. 16.IV—1920».

Дело в том, что хранятся «Рогульки» в собрании книг известного сибирского поэта и ученого П. И. Драверта. Он умер в Омске 12 декабря 1945 года. В последние часы жизни успел продиктовать завещание, чтобы архив, многочисленные коллекции и библиотеку передал Омскому областному краеведческому музею.

Удивительная эта библиотека. Прежде всего поражает разнообразность интересов ее хозяйна. Каких тут только нет разделов! Одно их перечисление займет немало места: философия, атеизм, общественно-политическая литература, естествознание, математика, география, минералогия, петрография, палеонтология... Драверт интересовался и биологией, и ботаникой, и зоологией, и меди-

циной, и сельским хозяйством. В его библиотеке много изданий по искусству, истории, археологии, этнографии, литературоведению...

На этих полках — тома К. Маркса и В. И. Ленина, работы историка Шапова и биография омского большевика Залмана Лобкова, каталоги художественных выставок и брошюры о нумизматике. Вот редкое издание «Опыт древней китайской философии» — 1794 год, а рядом монография «Муравьи России», книги об Якутии соседствуют с театральными воспоминаниями, а сборник «Пушкин и Сибирь» — с собранием сочинений Буало на французском языке.

Немалое количество книг, как и «Рогульки», подарено хозяйну их авторами. Вот еще неожиданность: «Глубокоуважаемому проф. Петру Людовиковичу от автора. К. Циолковский. 1927 г. 5 окт.». Да, сибиряк был знаком с основателем космонавтики Константином Эдуардовичем Циолковским. Это его книга — «Космическая ракета. Опытная подготовка», изданная в Калуге в 1927 году. Драверт собирал сочинения Циолковского, переписывался с ним. К сожалению, не удалось пока разыскать эту переписку. Недавно внук великого ученого — директор Государственного музея космонавтики в Калуге Алексей Вениаминович Гостин сообщил автору этих строк, что в библиотеке его деда есть одна из книг Драверта.

Дружба с Циолковским не случайна. Как известно, Драверт сам сделал немалый вклад в науку о космосе. Его считают одним из основателей советской метеоритики, он много работал над изучением загадочной космической пыли.

Среди подаренных Драверту книг есть работы академиков А. Е. Ферсмана и В. И. Вернадского. Был знаком Драверт и со знаменитым географом академиком В. А. Обручевым.

Книги, стоящие на полках этих шкафов, могут рассказать нам не только о друзьях Драверта, но и о нем самом.

Петр Людовикович очень любил Пушкина, у него было немало книг великого поэта. Но одна обращает на себя особое внимание. Это рукописный экземпляр «Бахчисарайского фонтана», датированный 1877 годом (т. е. за два года до рождения Петра Драверта).

На книге пометка, сделанная рукой хозяина: «Эта поэма переписана и переплетена делом моим Станиславом Ивановичем Дравергом». Значит любовь к книгам передавалась хозяйну библиотеки по наследству? Да, его семья была одной из самых культурных и образованных в Вятке. Вот как об этом писал впоследствии сам Петр Людовикович:

«Тому, что во мне есть, я считаю себя во многом обязанным моим предкам. Дед мой по матери Дмитрий Яковлевич Далматов стяжал в свое время известность своей работой о зубрах Беложежской пушчи, за которую Лондонское Зоологическое Общество присудило ему золотую медаль. Проживая последние годы в Вятке, он зарекомендовал себя недюжинным общественным деятелем... Сын его Николай Далматов был революционером еще в 60-х годах. Убит во время войны западных славян за свою независимость от Турции в 1876 году. Его сестра, моя мать, Варвара Дмитриевна, училась в Смольном Институте в лучшую пору его существования... привила мне любовь к литературе. Бабушка моя (по матери) Варвара Петровна Далматова находилась в ближайшем родстве с поэтессой Ростопчиной. Мой дед (по отцу) Станислав Иванович Драверт, судя по рассказам, любил литературу, писал стихи, в его доме бывали Герцен и другие выдающиеся ссыльные в городе Вятке».

Даже при беглом взгляде на полки дравертовской библиотеки бросается в глаза обилие книг, изданных в Казани. Это не случайно. С Казанью в жизни Драверта связано многое.

В 1899 году Драверт поступает на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. Он увлекается минералогией, вступает в университетское общество естествоиспытателей, ездит в научные командировки.

В начале 1901 года он принимает участие в студенческой демонстрации, и его ссылают в Пермскую губернию.

В первой ссылке Драверт пробыл недолго — меньше года. Он возвращается в Казань, по-прежнему много занимается наукой, ездит в экспедиции, сотрудничает в местных демократических газетах, пишет стихи.

Вот его самая первая книга

— стихотворный сборник «Тени и отзвуки», изданная в 1904 году в Казани. Впоследствии автор был не очень высокого мнения о своем поэтическом дебюте: «Порядочная лирическая дребедень, где сильно сквозит влияние Бальмонта». — Это его собственные слова.

И вот вторая книга Драверта — «Ряды мгновений». Стоит обратить внимание на то, где она была издана — Якутск, 1908 год. У этой книги тоже своя история.

Драверт принял активное участие в событиях 1905 года. Он выступал на митингах, участвовал в столкновениях с полицией. Достаточно сказать, что Драверт впервые в истории Казанского университета подружил на его главном корпусе красные флаги. Снова арест. Впоследствии Петр Людовикович вспоминал: «В начале 1906 года я ушел в ссылку. По пути в этапных тюрьмах писал, между прочим, революционные стихи. Помню, одно из них товарищи отпечатали на гектографе в Тюменской тюрьме и распространяли в городе в большом количестве... Природа Якутии, казалась мне своей, родной».

Царское правительство считало Якутию одной из самых надежных природных тюрем, а ссыльный Петр Драверт находил ее суровую и жестокую природу «своей, родной».

Прибыв на место, он сразу же принимается за работу — участвует в экспедициях — в бассейне Вилюя, к устью Лены, собирает коллекции минералов для Якутского музея, пишет научные работы. Драверт открывает новый минерал, находит месторождения полезных ископаемых. (В библиотеке есть некоторые статьи и брошюры того периода).

В Сибири начало набирать настоящую силу его поэтическое дарование. Вот еще одна книга из дравертовского фонда — стихотворный сборник «Под небом Якутского края». Издан он в Томске, куда Драверт по ходатайству Академии наук перевел на поселение вместо последнего года ссылки. Эта книга принесла автору известность. В десятках различных газет и журналов — как сибирских, так и столичных — появились восторженные отзывы. Рецензенты в один голос заявляли: в Сибири появился поэт, достойный этого удивительного края.

Скорее истощает срок изгна-

ния, и Драверт возвращается в Казань. Но постоянно тянет, звет к себе ставшая родной Сибирь. Следующий сборник написан и издан уже здесь, так он и называется — «Сибирь».

После революции Петр Людовикович навсегда переехал в Омск.

Уже посмертно вышли две его книги, своеобразные стихи поэта-ученого до сих пор помещают в различных антологиях, коллективных тематических сборниках. Но библиотека Драверта еще ждет своего настоящего исследователя. Вещей, подобных «Рогулькам», в ней хранится немало. Например, не описана и не систематизирована богатая коллекция эскизбрисов, которую хозяин собирал долгие годы.

Ну, а теперь раскроем секрет «Рогулек». Для этого достаточно взглянуть в автобиографическое произведение «История моих книг». Его автор пишет:

«Летом 1919 года, когда я набирал «Рогульки», мне иногда казалось, что нет, пожалуй, более страшного и вместе более возвышенного, более полного веры в человека и искусство предисловия, чем то, которое могло бы быть написано к этой тощей книжке с ее шестьдесят двумя страницами текста и ее тиражом в 30 экземпляров». Шла гражданская война. Это она была ненаписанным «предисловием» к первой книжке молодого писателя, как впрочем, и ко всему последующему его творчеству. Его имя Всеволод Иванов.

Обратите внимание на слова «когда я набирал «Рогульки»». Действительно — это редкий в истории литературы случай — автор сам набирал свою книгу, так как работал в то время наборщиком типографии. «Может быть, — пишет Вс. Иванов, — один или два экземпляра ее сохранились где-нибудь в Сибири, один экземпляр по приезде в Петроград я подарил М. Горькому, один — К. Федину, и два есть у меня. Вот и все, что осталось от моей первой книжки».

Есть ли она еще «где-нибудь в Сибири» — сказать трудно. Но в Омске «Рогульки» есть точно. И благодарить за это мы должны Петра Людовиковича Драверта.

А. ЛЕЙФЕР,
журналист.

г. Омск.